

городах и что, смотря по местным условиям и потребностям, в каждой восставшей и провозгласившей свою независимость коммуне люди попытаются по-своему разрешить великий вопрос двадцатого века - социальный вопрос. Другими словами - если в латинских странах начнется социальная революция, то эта революция примет, без всякого сомнения, такой живой, многообразный, местный характер, какой приняла «революция городов» в двенадцатом веке, которую так прекрасно описал, в ее зарождении, Огюстен Тьерри¹. То же самое произойдет, несомненно, в Англии, а также и в большинстве городов Бельгии и Голландии. И для меня нет никакого сомнения также, что никаких шагов в социалистическом направлении (в смысле обобществления орудий производства) не будет сделано в России, покуда в отдельных частях нашего громадного отечества при почине городов не начнутся попытки обобществления земли прежде всего, и отчасти фабрик, и организации земледелия, а также, может быть, и фабричного производства на общественно-артельных началах. Так как я писал в «Revolte» для французских рабочих, то я взял, конечно, Францию, и именно Париж, как самый передовой город Франции, и я постарался показать, как даже такой большой город, как Париж, мог бы совершить у себя и в своих окрестностях социальную революцию и как он мог бы дать ей укорениться, даже если бы ему пришлось - как пришлось республиканской Франции в 1793 году - выдержать нападение всех защитников гнилой старины.

В конце этой книги я был приведен к изучению вопроса «что и как производить?». И я рассмотрел его, по мере сил, в следующей книге, озаглавленной по-английски «Fields, Factories and Workshops» (в русском переводе - «Поля, фабрики и мастерские»)².

П. Кропоткин Январь 1902 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Петр Кропоткин просит меня написать несколько слов предисловия к его книге, и я исполню его желание, хотя и чувствую при этом некоторую неловкость. Я ничего не могу прибавить к его связным доводам и тем самым рискую ослабить силу его слов. Но дружба пусть послужит мне извинением. В настоящую минуту, когда французские «республиканцы» считают высшим проявлением изящного вкуса валяться в ногах у русского царя, мне особенно приятно дружить с свободными людьми, которых этот царь охотно велел бы либо засечь, либо замуровать в какой-нибудь крепости, либо повесить в каком-нибудь безвестном углу своего царства. С этими друзьями я забываю на минуту всю гнусность ренегатов, которые в молодости до хрипоты кричали: «Свобода! Свобода!», а теперь упражняются над согласованием «Марсельезы» с песнью «Боже, царя храни!». Предыдущая книга Кропоткина, «Paroles d'un Revolte» («Распадение современного строя» в русском переводе), была посвящена, главным образом, горячей критике развратного и злого буржуазного общества и призывала

¹ Тьерри одним из первых в европейской историографии «нового времени» пытался создать «историю общества» - бесконечного процесса взаимовлияния и борьбы различных социальных слоев. Большое место в творчестве Тьерри занимал анализ европейской истории XI-XII столетий (так называемая «революция городов», или «движение городских коммун»). В широком политическом движении этого периода, освободившем города и создавшем коммунальное самоуправление, он видел одну из первых попыток в европейской истории заложить основы свободного и справедливого общественного устройства. Субъектом этого процесса для Тьерри является «третье сословие», толкуемое шире, чем «буржуазия», охватывающее все население городской и сельской Франции, за исключением светской и духовной знати. Раскрытие Тьерри созидательной роли «простого народа», «Жана-простака» и его внимание к догосударственному периоду во французской истории чрезвычайно импонировали Кропоткину.

² Fields, Factories and Workshops. L., 1898; русский перевод - Пг.; М., 1921